

An abstract painting with a dark, textured background of deep blues and blacks. A central, irregular shape is highlighted in lighter tones of white, grey, and pale yellow. This central area is crisscrossed with thin, expressive lines in yellow, orange, and white, creating a sense of movement and complexity. The overall effect is one of depth and layered meaning.

Карл Ренц

ПРОСВЕТЛЕНИЕ
и другие заблуждения

Карл Ренц
Просветление и
другие заблуждения
Серия «Серия недвойственности»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=437195

*Просветление и другие заблуждения / Карл Ренц / [Перевод с немецкого
Н. Бабуровой]; 2-е издание: Ганга; Москва; 2019*

ISBN 978-5-907243-17-0

Аннотация

Карл Ренц – просветленный учитель недвойственности. Беседы с Карлом Ренцем, собранные в этой книге, – это указатели на то, что находится прежде ума и чувственного восприятия, на нашу истинную природу. Это приглашение к истинному ВИдению сквозь иллюзию отделенное™, отбросив привычную сеть верований, опыта, представлений о себе и окружающем мире. Беседы отличаются неповторимая игра слов и чувство юмора. Для тех, кого интересует Реальность.

Содержание

Введение	6
Предисловие	13
Карусель	20
Какая от всего этого польза?	23
Что, собственно говоря, здесь происходит?	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Карл Ренц

Просветление и другие заблуждения

Карл Ренц

Das Buch Karl

Erleuchtung und andere Irrtümer

Die folgenden Dialoge sind Proben aus dem Buch von Karl
Renz

September 2003

Карл Ренц

Просветление и другие заблуждения

Второе издание

**В МИМОЛЕТНОСТИ МИРА ТЕНЕЙ СОЗНАНИЕ ДЕЙ-
СТВУЕТ И РЕАГИРУЕТ. ТЫ – НЕ ФЕНОМЕН ИЗ МИРА
ТЕНЕЙ, НО ВСЕГДА ПРЕДШЕСТВУЕШЬ ВСЕМУ. В РЕ-
АЛЬНОСТИ НИЧТО НЕ ДВИЖЕТСЯ, ЕСТЬ ТОЛЬКО АБ-
СОЛЮТНАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ**

*Перевод с немецкого: Н Бабурова А. Еременко
(Предисловие, Интервью с Карлом Ренцем)*

Введение

И как только это удается этому парню?

Нет уж, спасибо! Хватит с меня Карла Ренца! Я понял это через двадцать минут, послушав его речи. Вместе с Кристианом Сальвезеном мы посещали тогда сатсанги различных учителей для нашей совместной книги «Пробужденные приходят». В самом завершении нам порекомендовали Карла Ренца. Мол, нам надо бы включить его в книгу. У него был опыт просветления. У него было прозрение во что-то, во что не было прозрения у нас. И в различных городах у него преданная публика.

При первой встрече мне показалось, что этот человек лично для меня ни на что не годился. Он слишком много говорил и не был склонен к медитативным тузам. Он не смотрел долгим проникающим взглядом и не создавал никакой духовной атмосферы. Он сидел, как инструктор семинара, без цветов, без свечей, без фотографии какого-либо гуру, вообще без хотя бы какого-нибудь символа духовности. Я-то знал других учителей сатсангов! Учителей с магнетической аурой. Таких, которые вначале долго сидели безмолвно, закрыв глаза, пока неподвижность не заполняла собой все помещение. Учителей, которые смотрели глубоко в душу во-

прошающих. «Святых», каждое слово которых было на вес золота. Их окружали музыка, цветы, благовония и образы великих учителей.

Ничего подобного в случае Карла Ренца. Никакого благоговения. Никакой особой атмосферы. Ничего медитативного. Хуже: он был даже анти-медитативен! Я медитировал двадцать лет, каждое утро, каждый вечер. Этот же парень, не долго думая, объявил мою практику совершенно бесполезной! Стерли и забыли! И дальше в том же духе. Всякий путь – заблуждение, всякое усилие – бесполезно, всякий поиск – безнадежный случай. Так он говорил. Многие из слушателей, очевидно, своего рода абонементная публика, явно веселились. Я обрадовался, когда беседа закончилась. Но затем я почувствовал кайф. Кайф прямо на улице. По пути домой. Все еще продолжал чувствовать в квартире. И на следующий День. Словно бы во время беседы я получил незаконную таблетку счастья. Инъекцию беззаботности. Или же сильнодействующее средство для расслабления. Это было странно. Должно быть, что-то произошло по ту сторону речи.

Чтобы убедиться в этом, я снова отправился туда. А потом еще раз. И с тех пор я по возможности не пропускаю ни одной беседы, когда этот человек приезжает в город. Мне и сейчас кажется, что говорит он несколько многовато. Два часа в один заход, прерываемый только вопросами слушателей. И в конце второго часа он кажется пугающе свежим и охотно готов продолжать. Слушатели же уже измотаны. Они

измотаны, потому что все, что они думали и во что верили, оказалось развеянным по ветру. Все аргументы – несостоятельными.

Карл Ренц не признает никакую духовную традицию, никакого золотого изречения мировой мудрости. Ни одно приобретенное глубоким переживанием знание не может устоять. Ничто. В конце беседы не остается ничего. Все, что когда-либо думал и во что верил искатель, больше ничего не значит. Вообще ничего.

Это может действовать удручающе. Но чаще всего приводит к облегчению.

Случается, что некоторые люди впадают в своего рода шок-оцепенение и в конце быстро уходят, чтобы никогда больше не вернуться. Бывает и так, что во время беседы кто-нибудь с мрачным молчанием или громкими протестами покидает аудиторию. Но большинство развлекается и смеется – чем дольше длится беседа, тем больше. Порой случаются смеховые истерики, как в детском саду. Поначалу мне это здорово действовало на нервы. Когда я осмеливаюсь задать какой-нибудь искренний вопрос, а другие прыскают смехом, меня это раздражает. Даже сейчас некоторые из этих дурацких выходок действуют мне на нервы, особенно когда у меня возникает ощущение, что я не понял шутки.

Но это проходит. Потому что подлинная шутка бесед Карла Ренца: тот, кто чувствует себя уязвленным, исчезает. Того, кто раздраженно реагирует, больше нет. Конечно, слуша-

тель остается сидеть на том же самом месте до конца. Но теперь он за пределами беспокойства. Все то, что, как он думал, ему нужно было защищать, улетучилось. То, что якобы составляет человека, так называемая личность во время беседы упорхнула прочь. То есть вся сеть верований, опыта, представлений о себе. Она казалась сложной, а теперь просто распадается. Представления о том, каким должен быть мир, каким должен быть я сам и другие, исчезают. Что должно бы произойти, чтобы я был счастлив, да и вообще, что что-то должно произойти, становится незначимым. В итоге остается то, что, как правило, называют «Присутствием», безоблачной ясностью, которой ничего не требуется.

Звучит неплохо! И как только это удастся этому парню? Он утверждает, что вообще ничего не делает.

И в определенном смысле это правда. Учитель, который реализовал свою «истинную природу» и понял, что является экраном, а не показываемым фильмом, что он – небо, а не бегущие по нему облака, который таким образом знает, что он есть недвижимость, – ничего не делает. У него нет никаких намерений, он просто присутствует. Однако его присутствие явно оказывает воздействие. Оно всасывает в себя беспокойство других. Здесь уместно вспомнить слова Поля Брентона о Рамане Махарши: «Он – пустота, в которую могут проваливаться мысли других». Готово. Больше ничего не требуется.

Хотя Карл Ренц ничего не делает, что-то происходит в его

присутствии. Поэтому его приглашают в такое количество стран. И поэтому люди набиваются битком, когда в начале января он приезжает в Тируваннамалай, Мекку адвайты. Тогда туда стекаются американцы и израильтяне, австралийцы и англичане, немцы, само собой, а также пара индусов.

Карл особенно играет со словами и их самыми глубинными значениями. Он переворачивает их, расщепляет, играет и жонглирует ими, обнаруживает второй и третий смысл и таким образом, нередко к своему собственному удивлению, приходит к озарениям.

То, что в нем еще кроется Сократ, придает искусству жонглера магическую подоплеку. Как и древнегреческий учитель, он приводит спрашивающих и усердно аргументирующих слушателей к апории. Это такое приветливое философское слово для обозначения безвыходности. В разговоре Сократ показывал любому, кто считал, что что-то знает, что поистине он не знает ничего. В случае Карла Ренца происходит то же самое. Каждый, кто приходит к нему на беседы, поначалу все еще думает, что знает что-то, по меньшей мере, надеется что-то понять и несколько продвинуться по пути просветления. От этого ничего не остается. О шутки и непреклонность разбивается всякое знание и верования.

В конце задающие вопросы и остальная аудитория лишаются своих концепций, но при этом нет ни победителя, ни побежденных. Поскольку все есть Одно, они сдаются, ощущая невероятное облегчение. Оно заключается в дающем

освобождение осознании, что это сам ум создает себе проблемы, а потом бьется над их разрешением, И что Истина, Сущность, Я каждого находится «прежде» ума. Поэтому ум может продолжать бегать в беличьем колесе – Я остается незатронутым.

О том, что это Я не отделено, слушатель и учитель – одно в этом, Карл говорит при случае так: «Я говорю только сам с собой». По-английски он двусмысленно называет свои выступления «Self Talks» (Я говорит). Конечно, Я еще и слушает. Потому что все проводимые различия – продукт мысли.

В этом суть индийской философии адвайты («недуальный», «не-два»), с которой Карл Ренц ощущает связь: отделенность – всего лишь иллюзия, поддерживаемая умом. Как только мысли затихают, исчезает и отделенность вместе с желаниями и страхами. «Ад – это другие», сказал Жан Поль Сартр. Карл Ренц сказал иначе: «Пока ты веришь, что другие существуют, ты живешь в аду».

Возможно, «ад» – это преувеличение. «Стресс» будет достаточно. Но если есть что-то, что уничтожает ад, кладет конец стрессу, то это подобные диалоги. Подобные разговоры с учителем, который знает, что ада нет, что нет отделенности. Конечно, живое присутствие такого учителя может оказать нам великую помощь. Но и присутствие в печатном виде имеет свои преимущества. Во-первых, оно не содержит «холостых ходов», которые случаются в любой беседе. Мы их убрали. Во-вторых, нет нужды испытывать дискомфорт

на жестких стульях или в неудобной позе на полу. В-третьих, можно в любой момент прервать речи этого словоохотливого комедианта и снова вернуться к ним в более подходящее время.

И не нужно всякий раз платить за вход!

Дитмар Биттрих

Лето 2003 г.

Предисловие

Еще в детстве у меня были противоречивые переживания. Я мог быть совершенно свободен и находиться в совершенной гармонии с миром в один момент, а в следующий – в глубокой депрессии, желая раствориться и умереть, то на седьмом небе от счастья, то в смертной тоске.

Понятно, что мне хотелось пребывать только в приятных переживаниях. Так я и начал искать. Так что это было поиском не истины и не просветления, а безграничного счастья, окончания страдания. Я пытался найти для этого действенное средство и подходящие инструменты. Сначала это был секс, из которого стало ясно, что так называемая маленькая смерть (оргазм) – всего лишь мимолетное переживание и зависит от партнера, а значит, ничего не решает.

Затем последовал опыт с наркотиками, дающими лишь на короткое время свободу от страдания. Но как только их действие ослабевает, страдание становится даже еще более интенсивным. Внимание или любовь друзей, семьи или партнеров также потеряла всякое значение с осознанием того, что мое состояние не имеет к ним никакого отношения и что все это не могло решить проблему.

Затем я стал читать эзотерические книги: всё про религии, шаманов, магию и т. д. Долгое время я был захвачен Кастанедой и Доном Хуаном и их идеей свободы.

Это продолжалось до конца 70-х годов, когда я во сне спонтанно осознал, что сплю. Я вспомнил о технике Дона Хуана, где нужно смотреть на свои руки. Так что я поднял руки и стал их рассматривать. Неожиданно что-то, очевидно, спавшее во мне, пробудилось. В этом пробуждении сначала мои руки, а затем все мое тело начали растворяться. Я узнал смерть и в этом узнавании внезапно возник страх. И я стал бороться за свою жизнь так, как еще никогда ни за что не боролся. Какая-то непостижимая сила пыталась стереть меня, при этом я воспринимал ее как бесконечное черное Ничто. И хотя я проснулся и лежал на своей кровати, борьба не прекратилась. И вдруг пришло приятие этого растворения и темное Ничто превратилось в сияющий свет и я стал этим светом. Светом, сияющим в самом себе.

Целая вечность прошла и свет постепенно превратился в обычное осознание Карла и мира. Все казалось таким, как до этого переживания, но восприятие абсолютно отделилось от воспринимаемого. Появились абсолютная дистанция к миру и его чужеродность.

«Это не мой дом» – была единственная мысль. МОЕ потерялось в отсутствии «я».

С этим пробуждением всеобъемлющего сознания начался процесс растворения концепции «Карл». И в этом восприятии ложности переживаний иллюзорной сущности сожжение личной истории, таким образом, истории всей Вселенной в огне Осознания было всего лишь вопросом времени.

Этот процесс от «индивидуального сознания к всеобъемлющему», от личного к безличному, который принято называть просветлением, всегда уникален и не может быть повторен или скопирован. Так же как существует только одно абсолютное Бытие, любое переживание уникально.

В течение долгого времени, около пятнадцати лет, это безличное сознание было моим домом: КОма превратилась в ОКей. Я стал блуждающим НИЧТО. Я был абсолютно отождествлен с этим НИЧТО.

Хозяин НИЧТО. Маленькое «я» стало очень большим, раздутым НИЧТО. Как фон, наблюдающий передний план. Одна иллюзия, наблюдающая другую иллюзию. Так называемый СВИДЕТЕЛЬ, мудрость, утверждающая: «я есть НИЧТО».

Очевидно, существовало нечто, что видело в этом «не-бытии» какое-то преимущество, а как следствие, и подспудный страх, боявшийся потерять это преимущество ясности. В середине 90-х годов неожиданно пришло абсолютное понимание, простое узнавание, как маленькое «ага»: «Я – то, что есть. Я – то, что не может быть или не могло быть чем-то другим, нежели „абсолютным Я“». Существует только абсолютное Я и ничего кроме абсолютного Я. В самоосознании и в реализации Я абсолютное Приятие.

Абсолютное «ЕСТЬ» реализует себя в личном, так же как и в безличном переживании, это всегда абсолютное Я, так что никогда не существовало необходимости в просветле-

нии. Абсолютное Я всегда реализовано, а то, что видится как сознание в реализации (проявлении реальности), никогда не реализует себя. И в этом смысле никогда не существовало непросветленных и, таким образом, необходимости в просветлении.

В конце 80-х годов появились боли, сначала в шее. Они приходили 1–2 раза еженедельно. Примерно через год боли в голове превратились в ежедневную мигрень. Я просыпался и засыпал с этой болью. Все попытки бороться с ней только ее усиливали. Никакие медикаменты, природные или химические, не могли в какой-либо мере повлиять на это. Единственной возможностью убежать от боли был либо сон, либо некий вид медитации. Хотя я и был против всяческого рода так называемой «духовной работы», эти постоянные боли каждое утро после пробуждения погружали меня в состояние отсутствия. В этом состоянии боль превращалась в вибрирующий свет осознания. Тот, кто испытывал боль, исчезал. В большинстве случаев я снова спонтанно возвращался после 4–5 часов медитации, а со «мною» возвращались и боли. Из рая в ад. После этого я каким-то чудом шел в студию, пытаюсь более или менее успешно рисовать, чтобы как-то заработать себе на жизнь.

Так прошло примерно 4 года. Пока однажды утром я не вышел из медитации раньше обычного: уже через 2 часа, чтобы, как всегда, включить телевизор для просмотра бир-

жевых новостей. По случайности, шла передача Би-би-си: экранизация «Махабхараты».

«Махабхарата» – это индийский эпос о героях и богах, в котором Господь Кришна пытается наставлять героя Арджуну в том, что не существует свободы выбора и что, несмотря на его миротворческое отношение, он будет вовлечен в битву, в которой уничтожит огромное количество противников – в соответствии со своей судьбой.

Вообще-то я хотел сразу же переключить на новости биржи, так как к тому времени я только и жил от акций. Моя карьера художника сошла на нет из-за постоянных мигреней. Но что-то меня удерживало переключить на другую программу. Сначала мне было не особо интересно, но затем с все возрастающим вниманием я стал следить за ходом пьесы. В ее конце большинство персонажей было убито, после чего Кришна взял брата Арджуны Юдхиштхиру на Небеса. Потому что он показал себя истинным учеником Кришны. На Небесах оказались все его враги, которые прекрасно проводили там время. Юдхиштхира спросил Кришну, где все его друзья, на что Кришна ответил, что все они в аду. «Я хочу быть рядом с моими друзьями и родней. Относительная радость Небес для меня ничего больше не значит», – сказал Юдхиштхира. Тогда Кришна перенес его в ад. Там он увидел всех своих друзей и родню, горевших в адском огне страдания, после чего и сам погрузился в глубочайшую печаль Бытия. Через некоторое время Кришна спросил его, смог бы он

навсегда принять это состояние.

К этому моменту я настолько был вовлечен в пьесу и настолько отождествился с Юдхиштхирой, что вопрос Кришны я принял как адресованный мне. Он (или я) ответил: «Да, во мне нет никакого желания изменить что-либо или избежать боли и страдания, даже если это будет длиться до самого конца моего существования. Пусть будет так». К тому времени головная боль стала настолько интенсивной, что чистый свет, как взрыв, вошел в меня через затылок и заполнил мое сознание. Это был момент абсолютного приятия Существования, время остановилось. Карл и мир исчезли и некая форма чистого бытия в сияющем свете, некая пульсирующая тишина и абсолютное проявление Жизни, совершенной в самой себе, явились, и я был Этим.

После целой «вечности» (по часам 3—4 часа) Карл и мир снова пришли в свое «обычное» состояние. Но головная боль прошла. Вместо нее осталось абсолютное приятие и знание, что время проявляется в том, что я есть, а то, что я есть, пребывает вне времени. Что все происходящее во времени, любое событие не может коснуться того, что само по себе является абсолютным и что само по себе является Жизнью.

Благодаря цепочке событий и ситуаций, в которых «Карл» ни одной секунды не желал оказаться, не создал их преднамеренно или попытался оказать какое-либо влияние на них, вопреки, а не благодаря поиску пришло абсолютное При-

ятие, совершенная Любовь, исток Существования осознал сам себя. И все переживания были и являются не «моими» или «твоими». Просто Жизнь проживает себя во всем, что воспринимается и что не воспринимается.

И ты есть это. Это твоя истинная Природа, вечная, вне всякого проявления времени и пространства и всего, что в них возникает, вечная и первозданная: абсолютное Восприятие, воспринимающее само себя. Истина сама в себе.

Карусель

Добро пожаловать! Добро пожаловать на ярмарку! Я смотрю, ты уже сидишь на карусели. Как здорово ты управляешь! У тебя эlegantная машина. У тебя педаль газа. Ты даже можешь тормозить. Но прежде всего у тебя есть руль. Ты можешь с силой крутить его, что ты и делаешь. Как ни странно, получается двигаться только по кругу. Ты поворачиваешь его налево, направо, и тормозишь, и крутишь, однако все время двигаешься только в одном направлении.

Так управляет твое «я». Так называемое эго. Оно поворачивает налево, поворачивает направо, но никогда полностью не удовлетворено результатом. «Понаблюдаю-ка я за другими, – думает оно. – Как управляют они? Как ведет себя вон тот парень?» Тот парень определенно делает больше поворотов. Теперь ты делаешь так же. Но ничего не меняется. Движение по кругу продолжается. Время от времени карусель останавливается. Короткая пауза. Тибетцы называют это «бардо». Затем ты начинаешь подыскивать себе новое транспортное средство. «А возьму-ка я, пожалуй, лошадь. Теперь я немного проеду верхом. Может быть, это мое предназначение!» Очень разумно с твоей стороны. Или будет действительно мудро, если ты возьмешь маленький роллер, потому что после всех этих утомительных кругов ты полон смирения и непритязательности.

Да, от всей этой круговерти твое «я» мощно развилось. И когда вдруг случайно ты поворачиваешь в том же направлении, в каком движется карусель, ты можешь наконец праздновать триумф: «Ого, у меня, однако, здорово получилось! Похоже, теперь я знаю, как это делается!» Теперь ты обнаружил, как все это работает. «Все полностью под моим контролем, посмотрите-ка!» Ты находишься в гармонии с космосом, в согласии с творением. Сонастроенное таким образом «я» движется именно туда, куда едет карусель. «Взгляните, как я умею управлять! Вся карусель движется, потому что я так управляю! Я здесь! Смотрите на меня!» Когда ты столь несравненно овладеешь этим искусством, ты сможешь даже рассказать другим, как им следует управлять. «Вам нужно делать вот так! Как я!»

Теперь ты полностью пробужденный водитель. «За ним», – призывают возбужденно некоторые. И ты думаешь: «Лучше уж мне сразу повести целый автобус». Ты провозглашаешь: «Все заходим и садимся за мной! Я един с каруселью!» Тогда ты уже гуру. Если тебе хочется действовать менее шумно, то, конечно, ты можешь взять на себя другие важные задания, например вести пожарную машину. Или неотложку. Или просто ехать позади неотложки, ради безопасности.

Но при всем при этом важно сохранять обзор. Чтобы в нужный момент поддать газу и в нужный момент затормозить. Но прежде всего важно управлять с большим умением.

Потому что это помогает другим. Так ты не только отлично едешь сам в своем транспортном средстве. Ты вносишь свой вклад в успешное движение всей карусели! Если бы только каждый мог так водить! Ты отлично со всем справляешься.

До тех пор, пока однажды случайно не отпускаешь руль. Ну и ну! Теперь ты удивляешься. Все продолжает ехать само по себе! Эта штука едет сама! Точно. Едет сама. Едет Само. Точно так же Я ведет твою жизнь. Тебе не нужно напрягаться. Ты можешь откинуться назад и наслаждаться своим Я, потому что оно всегда ведет прямым путем к счастью.

Какая от всего этого польза?

Вопрос: Что определяет, что ты сидишь там впереди, а я тут сзади?

Карл: То, что посадило тебя туда, это то же, что посадило меня сюда. Но что это, я не знаю. Это не деятель. У этого нет направления. Это неволение, которое здесь и там без проявления воли показывает себя в двух различных аспектах.

В.: Значит, мы можем поменяться местами?

К.: Конечно. Это тоже стало бы частью представления. Сознание играет все эти роли: мир, пространство, время. Каждого персонажа, сидящего здесь, исполняет Сознание. То, что здесь говорит, – это то, что там слушает. Только Сознание, никакой отделенности.

В.: Везде равное Сознание.

К.: Не равное Сознание, а одно и то же Сознание. Нет отделенности.

В.: Однако Сознание там впереди играет в просветленно-го.

К.: Нет никакого просветленного ни здесь, ни где бы то ни было еще. Поистине сознание играет в говорящего как в чашку, и такой объект никогда не может стать просветлен-

ным. Чашка – только форма, видимость. Точно так же «я» – это форма. Я подобен чашке и точно так же беспомощен в достижении просветления, как и все, кто здесь сидит. Мы абсолютно беспомощны.

В.: Значит, вечерок будет веселым. Никаких объяснений здесь не будет?

К.: Никаких. Так что можно не напрягаться. Нет ничего, чтобы забрать с собой, ничего, чтобы передать. Когда ты замечаешь, что делаешь усилие, это значит, что ты хочешь что-то взять себе. Ты хочешь что-то прояснить, сверх необходимости, как перегревшаяся осветительная станция, которая пытается осветить то, что уже абсолютно ясно.

В.: А что, запрещено ожидать нечто вроде помощи для повседневной жизни?

К.: Вовсе нет. И знаешь, что такое абсолютная помощь? Осознание того, что повседневной жизни не существует. Только вечное Сейчас, которое и есть то, чем ты являешься. Ничто не приходит и ничто не уходит.

В.: Мне негде это использовать.

К.: А ты и не должен. Да ты и не можешь этого сделать. Так как все делается через тебя и с тобой. Ты – источник и то, что берет из него начало. Ты есть это. Какая тут еще повседневность? Все есть вечное Сейчас твоего абсолютного

существования.

В.: Абсолютное, тотальное, ничто и Сейчас. Но случаются же и такие небольшие переживания, которые подобны глотку свежего воздуха!

К.: За вдохом следует выдох. Что получает помощь, снова становится беспомощным. Что способно пробудиться, снова заснет. Тебе пришлось бы постоянно беспокоиться об этом. Но тебе не нужно об этом беспокоиться. Это не Реальность. У того, что является Реальностью, нет появления и ухода. Оно не подвержено времени. Для этого тебе ничего не нужно делать.

Будь тем, что ты есть, до того, что существует или не существует. Будь тем, чем ты не можешь не быть.

В.: Так и сделаю. Замечательно полезное описание!

К.: Это не было описанием. И, более того, ты ничего не можешь сделать.

В.: Это я и хотел сказать.

К.: Это указатель на нечто, что не может быть описано. Оно само описывает себя во Всем и в Ничто. Куда бы я ни указал, я всегда буду указывать на самого себя. Всегда на то, что есть. Я никогда не смогу указать мимо. Я могу указать только на самого себя. Нет направления, в котором бы не было Я.

В.: Я тоже являюсь этим Я?

К.: Да. Поэтому ты теперь можешь сесть впереди.

Что, собственно говоря, здесь происходит?

Вопрос: Здесь что-то происходит. Что-то передается, с помощью слов и без слов. Что-то заражает и остается.

Карл: На какое-то время твой защитный панцирь, фильтр твоих представлений исчезает. Остается только незнание. Обнаженность, свободная от всякого определения того, чем ты являешься. И эта обнаженность остается. Она осознает сама себя. В ней не может удержаться ни одна идея. Она вибрирует в словах, стирает твои представления, по крайней мере на время, пока те не появятся снова. И через некоторое время ты можешь осознать, что идеи — это всего лишь идеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.